

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Гадалин Д.Ю., Иманалиева М.А. — Механизм реализации политики памяти в контексте социальных рамок «коллективной памяти» // Мировая политика. – 2023. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.1.36063 EDN: LDATWY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36063

Механизм реализации политики памяти в контексте социальных рамок «коллективной памяти»

Гадалин Дмитрий Юрьевич

бакалавр, кафедра сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации

119454, Россия, Город федерального значения Москва, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, 76

✉ gadalindimitriemgimo08071999@gmail.com

Иманалиева Мария Алмазовна

бакалавр, кафедра трудового права, Московский государственный университет имени МВ. Ломоносова

119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 76

✉ gadalindimitriemgimo08071999@gmail.com

[Статья из рубрики "Психологические операции"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.1.36063

EDN:

LDATWY

Дата направления статьи в редакцию:

05-07-2021

Аннотация: Целью статьи является анализ механизма действия политики памяти в контексте феномена «коллективной памяти» М. Хальбвакса. Политика памяти представляет из себя упорядоченные действия политических элит по формированию желаемого комплекса образов и представлений прошлого обществом. Такая стратегия позволяет решить несколько проблем, в частности проблему легитимности, а также проблему аргументации выбранных государством внутри- и внешнеполитических программ, которые также могут ставить перед собой задачу искажения собственного исторического прошлого и ухудшение отношений между двумя государствами. Обработка коллективной памяти как составляющей общественного сознания претерпела серьезную эволюцию и сегодня может представлять из себя массу агрессивных стратегий. Научной новизной исследования является применение комбинированного подхода к пониманию

феномена коллективной памяти и ее обработки. Комбинированный подход, основанный на трудах М. Хальбвакса в области социологии и психоанализа, основанного на психологии бессознательного З. Фрейда, а также теории коллективного бессознательного и его архетипов К.Г. Юнга позволяет выделить взаимозависимость между дифференциацией образов исторического прошлого и уровнями сознания индивида. Разработана схема взаимосвязи, а также схема выборки нарративов общественного сознания с целью формирования универсального набора образов и представлений. В качестве выводов приводится подтверждение правомерности метода М. Хальбвакса и его корреляции с психоанализом, а также указывается на опасность попустительства со стороны Российского государства в отношении агрессивной политики памяти в странах постсоветского пространства и бывшего социалистического блока.

Ключевые слова:

коллективная память, общественное сознание, политика памяти, психоанализ, коллективное бессознательное, социальная рамка, фрустрация, нациестроительство, индикатор, образ

На сегодняшний день политика памяти стала неотъемлемой составляющей государственной политики многих стран, далеко за рамками постсоветского пространства, Центральной и Восточной Европы. Но именно в государствах этих регионов политика памяти достигла своего наивысшего расцвета, в ряде стран став одной из основ политики нациестроительства, параллельно становясь угрозой для безопасности внешнеполитических рубежей Российской Федерации во многом ввиду появления враждебно, а в ряде случаев агрессивно настроенных по отношению к России и российскому обществу социальных групп в странах-соседах.

Изучению политики памяти посвящено множество литературы, как отечественной, так и зарубежной. Из отечественных исследователей стоит выделить С.П. Поцелуева [\[8\]](#) и О.Ю. Малинову [\[4,5,6\]](#), которая рассматривает политику памяти как область более широкой символической политики. Феномен памяти достаточно широко освещен в трудах философов, социологов и культурологов, но при этом ни один из подходов не способен в полной мере объяснить существующие закономерности памяти, поэтому требуется корреляция подходов.

Интерес к политике памяти обусловлен тем, что она, пройдя три этапа своего становления в течение XX в., стала во многом замещать идеологические установки в обществе, обеспечивавших ранее устремление вперед на контрасте с политикой памяти, которая апеллирует к прошлому и формирует внутреннюю систему общества и его взаимодействие с соседями на основе предшествующих эпох и примеров взаимодействия.

По мнению Ю.А. Сафроновой, политика исторической памяти – это полноценная система «взаимодействий и коммуникаций различных акторов относительно политического использования прошлого» [\[10\]](#). Такое направление формируется в период поиска национальной идентичности, но так как данный процесс длительный и многогранный, то и сама политика памяти может претерпевать серьезные изменения. Политика памяти предполагает наличие субъекта в лице государства/политических элит государства, общество как объект воздействия политики памяти, набора инструментов воздействия, в частности СМИ, образование, институты (национальной) памяти, которые выполняют

функцию пересмотра устоявшихся трактовок национальной истории и поиск доказательной базы для новых стандартов в истории страны, как следствие - формируется заявленная как соответствующая интересам государства и населения истинная теоретическая и фактическая база, призванная обеспечить доминирующие нарративы в общественном сознании населения [\[6\]](#).

Принципиальным является то, что, как правило, такие суждения очень часто носят характер ложных умозаключений и искажений, программирующих общественное сознание населения на восприятие и трактовку событий прошлого и производных процессов настоящего через призму уже навязанных государственной властью позиций и точек зрения, то есть политические элиты стремятся сформировать удобную коллективную память населения, которая позволила бы автоматически обеспечивать легитимность властной верхушки [\[4\]](#). Но такая задача в действительной степени не проста во многом из-за специфики коллективной памяти.

Подходы к пониманию феномена памяти дополнялись в течение всего предыдущего столетия. Важное место в данных рассуждениях занимает М. Хальбвакс, поскольку большой корпус исследований данный французский социолог посвящал изучению «коллективной памяти», которая может рассматриваться как взаимно разделяемая совокупность представлений относительно прошлого в рамках заданной социальной группы [\[2\]](#). Таким образом, М. Хальбвакс делает вывод, что следует различать память двух категорий, а именно – память индивидуальную (память личности, основанная на собственных личностных представлениях) и память коллективную [\[13\]](#).

М. Хальбвакс во многом руководствовался наследием Э. Дюркгейма, который отстаивал право социологии на статус самостоятельной академической дисциплины [\[3\]](#). Однако в такой ситуации феномен «коллективной памяти» вступает в прямое противоречие с установкой Э. Дюркгейма, так как данный феномен необходимо рассматривать как пересечение ряда дисциплин, прежде всего истории и социальной психологии, так как с одной стороны, коллективная память определяет в качестве объектов исторические события и процессы, значимых исторических деятелей, а с другой стороны, ей присущи такие характеристики, как конструирование и изменчивость, постепенное укрепление сакральности ряда событий и образов прошлого.

Поэтому подход М. Хальбвакса хоть и оказал серьезное воздействие на изучение феномена коллективной памяти, в то же время оказался несостоятельным по причине необходимости привлечения дополнительных академических дисциплин для изучения.

Преимущества рассуждений французского мыслителя доказал К.Г. Юнг, который, изучая проблемы сознания индивида, выработал теорию коллективного бессознательного, продолжая рассуждения З. Фрейда о психологии бессознательного [\[12\]](#). Классическая схема К.Г. Юнга позволяет рассматривать каждого индивида как существо со схожим набором «проформ», которые заполняют коллективное бессознательное [\[16\]](#). Из данных «проформ» в дальнейшем формируются уже символы и образы, но так как в рамках социальной группы, которая может быть представлена как отдельный субъект межгрупповых отношений в рамках общества, так и общество в целом, существует наличие упорядоченного комплекса представлений, то теория М. Хальбвакса верна еще и потому, что его концепция «социальных рамок памяти» устанавливает пределы ранжирования доминирующих в социальной группе нарративов [\[14\]](#), откуда можно сделать вывод, что фундамент на основе проформ является универсальным для каждого

индивида, но их наполнение и последующее формирование уже не пустых ячеек, а связанных представлений происходит на основе распределения существующих в рамках общественного сознания с учетом длительного исторического опыта смысловых доминант. Такое умозаключение, применимое к такой социальной группе как целое общество, может быть представлено на схеме ниже:

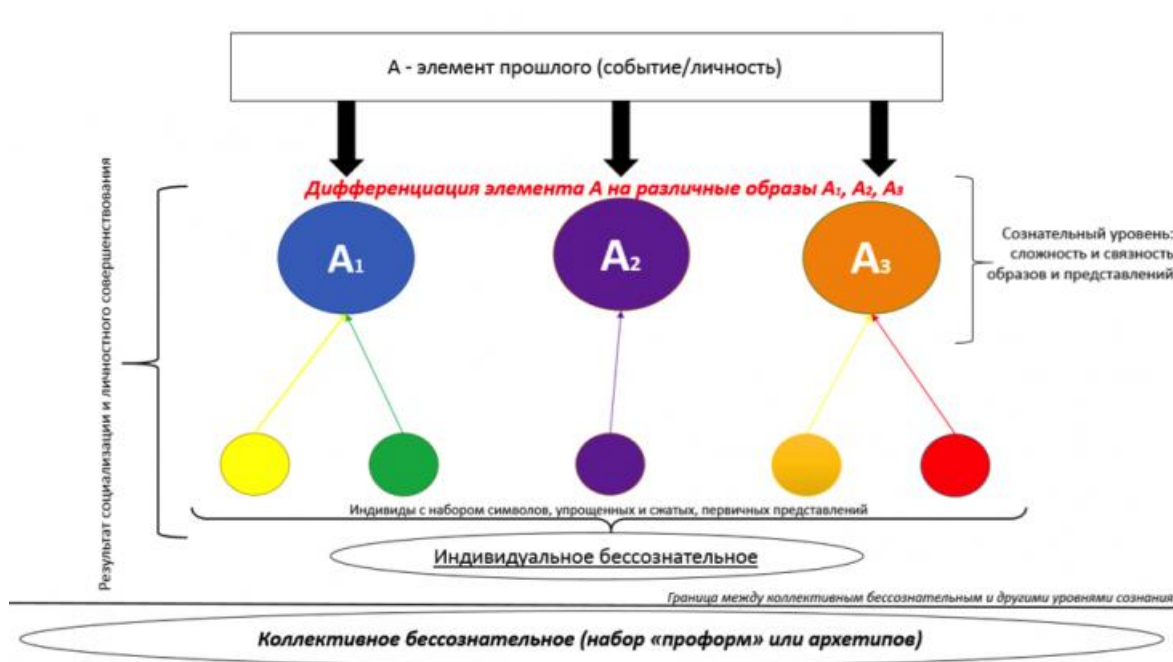

Рисунок 1. Формирование дифференцированных образов прошлого (составлен автором).

Первичным или наиболее примитивным уровнем памяти выступает коллективное бессознательное, которое представляет из себя пустые «проформы» или архетипы, однако на этом уровне допускается наличие биопсихических универсальных установок, закономерных для природы homo sapiens. Данные проформы как пустые ячейки заполняются имеющимся в распоряжении общества набором символов, которые можно трактовать как индикатор, обозначающий наличие в структуре памяти представления о конкретном событии или исторической личности, но при этом не отражающее предметного, детального образа [\[15\]](#). Именно архетипы служат основой для расовой, семейной или национальной и иной дифференциации [\[16\]](#).

Поэтому следующим уровнем является индивидуальное бессознательное, где, с учетом социализации и личностного развития, формируются уже уникальные символы и индикаторы, которые затем на уровне сознательного могут разворачиваться в полноценные образы и представления, нередко разделяемые другими членами социальной группы, в результате такого пересечения формируется близость взглядов. Но принципиальным является то, что многообразие факторов определяет и многообразие образов на конкретное событие/процесс. Поэтому цепочка выглядит взаимозависимой, поскольку на количество образов влияет не только социализация и внутренний мир индивида, но и объективные причины, схожие с факторами формирования общественного сознания такими как:

ü Природно-климатические условия, в частности тяжелые условия выживания, повышенная потребность в безопасности ввиду отсутствия естественных рубежей защиты [\[9\]](#) и т.д.

ü Условия благосостояния членов общества, уровень образования и медицины. При

отсутствии таких условий в обществе может развиваться состояние фрустрации [7], чем может также воспользоваться политическая элита с целью сохранения власти и направить аккумулирующуюся агрессию населения на сторонний объект. Такая практика особенно была популярна после Первой мировой войны, когда в Италии и Германии во многом из-за фрустрационной агрессии населения ввиду существенного ухудшения условий жизни и труда позволила радикальным правым группировкам прийти к власти, которые затем, апеллируя к прошлой несправедливости стран-победительниц по отношению к Италии и Германии только укрепляли свою легитимность.

Формы общественного уклада, которые определяют характер межличностных и межгрупповых отношений и потенциальный угол восприятия исторических событий и явлений. Например, согласно теории «общинного социализма» А.И. Герцена Россия во многом за счет наличия крестьянской общины как базовой ячейки общества может перейти в социализм минуя капитализм, поскольку исторический опыт, а крестьянская община существовала в течение длительных столетий, начиная с Древнерусского государства, приводит к выработке стойких представлений как об историческом прошлом, так и об идеальном укладе настоящего и будущего. В таком обществе будет широко распространены идеи коллективности, справедливости товарищества. Напротив, в Соединенных Штатах Америки в течение времени существовала форма индивидуального, фермерского хозяйства, поэтому социалистические идеи в таком обществе всегда будут находиться в состоянии упадка [17].

Таким образом, очевидно, что политическая элита в рамках реализации собственного курса политики памяти, нацеленного на укрепление одного из приемлемых представлений об историческом явлении, сталкивается, как минимум, с двумя проблемами:

1. Необходимость изъятия «нежелательного» образа, причем чем крепче в общественном сознании располагается данный образ, тем сложнее его изъять, можно рассчитывать только на временное сокрытие данного элемента в структуре памяти [5]. Например, в 1990-е гг. в Российской Федерации проводили радикальные рыночные реформы, которые не дали успешных результатов в краткосрочной перспективе, привели к усилению фрустрационных настроений населения и обрекли на неудачу стремительный демократический транзит во многом ввиду того, что демократические нарративы встали в один ряд с проявлением несправедливости и тяжелых условий жизни и труда. Поэтому в этот период среди населения стали развиваться чувства «ностальгии» по советской эпохе, что и вылилось в масштабную поддержку КПРФ во второй половине 1990-х гг. Политическая элита России в этот период не смогла изъять прочные представления населения о справедливости и коллективности, поскольку возникший морально-ценностный вакуум населения оказался не заполнен.

2. Политическая элита вынуждена выбирать предпочитаемые нарративы только из того комплекса, которым располагает коллективная память общества. Например, личность Екатерины II в русской истории дифференцируется на несколько образов, в частности образ заботливой, просвещенной государыни, обеспечившей России стабильное процветание и могущество в Европе и на Черном море. Однако параллельно с этим существует и образ правителя-тирана, который в течение более тридцати лет во всем содействовал дворянству, а особенно в усилении угнетения крепостного крестьянства и работных людей. Очевидно, что собственный внутренний мир индивида, его воззрения на общество и политическую жизнь страны помещают в его в тот или иной «лагерь» образа Екатерины II.

Поэтому если государство в рамках реализации политики памяти поставит перед собой цель сформировать лишь одну смысловую доминанту, то необходимо изъять сопряженный образ правителя или процесса, например, уделять большее внимание в системе образования именно достижениям исторического деятеля, избегая или, как минимум, снижая акцент на существовавшие в ту эпоху неудачи и проблемы населения:

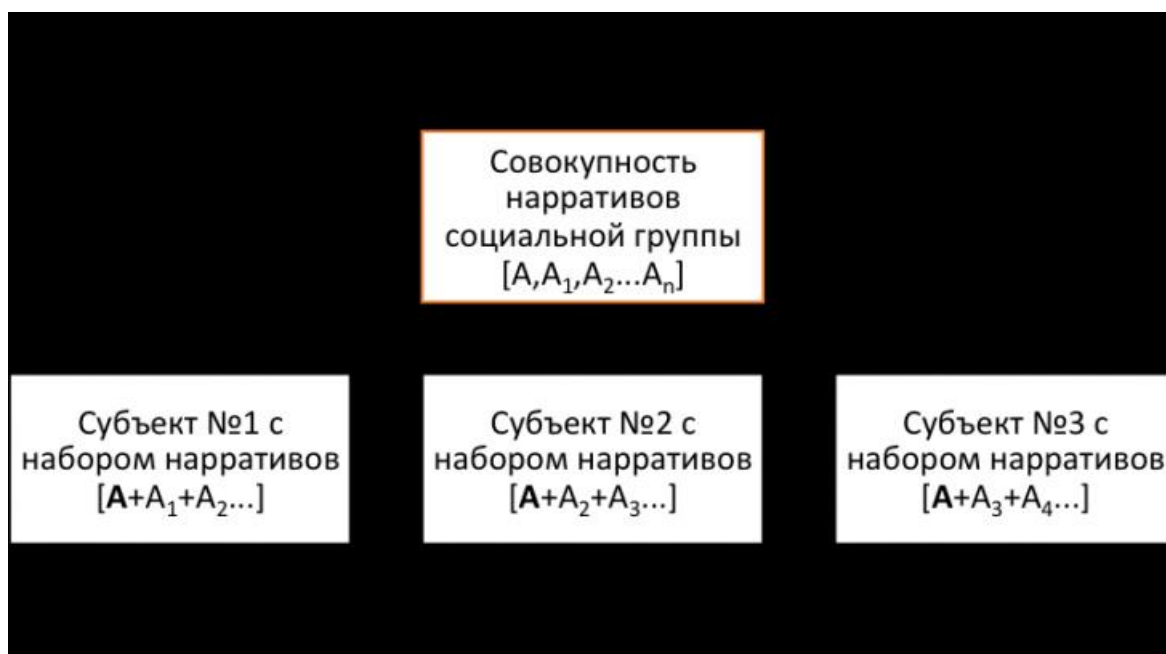

Схема 2. Поиск универсального нарратива памяти (составлен автором).

На схеме изображено определенное множество имеющихся в структуре памяти социальной группы нарративов в отношении конкретного события/процесса, однако важно учитывать, что набор нарративов индивида является уникальным, но так как для всех присутствующих имеется общий нарратив **A**, то он может использоваться политическими элитами с целью формирования единственной доминанты, а уникальные характеристики будут нивелироваться, изыматься. Более того, такой принцип выбора универсальной доминанты позволяет в дальнейшем обеспечивать консолидацию общественных сил для обеспечения социальной поддержки государственных проектов, в том числе и по пересмотру устоявшихся трактовок исторических событий [\[7\]](#).

Заключение

Таким образом, коллективная память, над которой работал М. Хальбвакс, является составляющей общественного сознания, которое, в свою очередь, представляет из себя гибкую и динамичную категорию, поскольку оно представлено множеством образов и символов, которыми располагает цельное общество, однако в то же время общественное сознание представляет из себя достаточно прочный фундамент господствующих нарративов, сформировавшихся в ОС в течение длительного исторического опыта. В этой связи важно подчеркнуть, что даже несмотря на обилие различных трактовок на конкретные события и процессы прошлого, неотъемлемым является наличие самого элемента в структуре ОС, на основе которого уже формируются вариации образов и нарративов. Однако в коллективной памяти присутствуют пределы (рамки) ранжирования образов, поэтому данное понятие, которое операционализировал М. Хальбвакс и которое в течение длительного времени находилось в поле критики со стороны таких исследователей, как М. Блок [\[1\]](#), можно не только оценивать с позиции социологии или психоанализа, но также проводить и количественные исследования, а также оценивать

на практике потенциал политики памяти государств постсоветского пространства и стран Центральной и Восточной Европы с целью формирования более полного понимания дальнейших шагов недружественных правительств и выработки стратегий предупреждения антироссийской риторики и пропаганды.

Библиография

1. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. — М., 2016. С.19.
2. Емельянова Т.П., Кузнецова А.В. Представления коллективной памяти об эпохе Петра I и его личности у представителей различных социальных групп // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 28. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.06.2021).
3. Кузнецов Ю.В., Кравцов В.А., Кибиткин А.И. Социально-философские концепции социализации личности (Э. Дюркгейм, Ж. Пиаже) // Вестник МГТУ. 2012. №1. С.5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskie-kontseptsii-sotsializatsii-lichnosti-e-dyurkgeym-zh-piazhe> (дата обращения: 04.07.2021).
4. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015.
5. Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013. С.12-13.
6. Малинова О.Ю. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. М.-СПб: Нестор-История, 2018. 224 с.
7. Осколков П. В. Феномен национализма: концептуализация и типологии // Современная Европа. 2020. № 3. С. 108–116.
8. Поцелуев С. П. «Символическая политика»: К истории концепта // Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 17–53.
9. Прокуденкова О. В. Россия: Европа или Азия полемика П. Н. Милюкова с евразийцами о роли географического фактора в развитии русской культуры // Вестник РХГА. 2006. №1.
10. Сафронова Ю.А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие / Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. — М.-СПб: Нестор-История, 2018. — 224 с.
11. Фрейд З. Некоторые замечания относительно понятия бессознательного в психоанализе (1912). С.34-39.
12. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 2006. С. 25-38.
13. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас 2019. 2-3(40-41).
14. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С.11.
15. Юнг К. Г. Человек и его символы // Серебряные нити, 2017. 352 с.
16. Jung C. The Archetypes and the Collective Unconscious, Collected Works, Volume 9, Part 1 // Princeton University Press. 1959. para. 90-92,118.
17. Kudashov V.I., Chernykh S.I., Yatsenko M.P., Grigorieva L.I., Phanenstiel I.A., Rakhinskiy D.V. Historical Reflection in the Educational Process: An Axiological Approach // Analele Universitatii din Craiova. 2017. Vol. 22, №1. P. 139–147.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Политика памяти стала актуальной темой для исследования в связи с развернувшейся дискуссией вокруг необходимости выработки нового курса в отношении Украины и ответа на ее действия, нацеленные на пересмотр исторических основ российско-украинских отношений. Однако в качестве предмета исследования автор выбрал общетеоретические вопросы выработки политики памяти. При этом в качестве методологии была выбрана комбинация двух подходов: социологического и психоанализа, что является довольно нестандартным подходом к изучению этой проблемы. С точки зрения психоанализа политика памяти - это внедрение в сознание населения ряда представлений о собственном национальном прошлом, которое обеспечивает преимущественный взгляд на него в среде других взглядов, что позволяет политическим элитам с целью сохранения своей легитимности и решения ряда задач общегосударственного масштаба отвлекать население от текущих социально-значимых проблем за счет образа внешнего врага. Автор выделяет коллективную память в качестве составляющей общественного сознания, при этом именно коллективная память является наиболее уязвимой для обработки и трансформации. Для иллюстрации исследователь приводит переживания российского общества и усиливавшееся чувство ностальгии по советскому прошлому, возникшие в результате провала рыночных реформ либерализации, тем самым подтверждая, что нарративы коллективной памяти в структуре сознания не только сохраняются, но и укрепляются с течением времени за счет тех же факторов, благодаря которым формируется общественное сознание населения даже при попытке изъятия этих нарративов из структуры памяти, в данном случае окончившейся неудачно. В своей работе автор выделил три таких факторов, тесно привязанных к историческому опыту, однако стоит также учитывать ряд внешних факторов, которые не нашли отражение в этой работе. К ним можно отнести текущий расклад сил на мировой арене, влияние общественных институтов, влияние третьих сторон, преследующих собственные интересы. Хотя автор отмечает, что, как правило, к политике памяти государства обращаются именно в результате необходимости снизить влияние второй стороны (например, страны-соседа) в процессе как нациестроительства, так и преодоления пережитков предшествовавшего социально-экономического уклада общества в этой стране. Статья бы выиграла если бы автор показал, как государство использует политику памяти под влиянием внерегиональных сил, которые стремятся упрочить свою гегемонию в мировом масштабе за счет трансформации общественного сознания в тех странах, которые представляют стратегическую значимость и имеют сильную культурную и историческую связь со своим соседом, которую необходимо разорвать. таким кейсом, на сегодняшний день выступает Украина, которую автор, к сожалению, рассматривать не стал. Однако это не значит, что работа не представляет интерес широкой читательской аудитории. Несмотря на узость выбранного предмета, выводы автора представляют значимость для обогащения данного политического дискурса и имеют новизну.

Достоинством работы является наличие наглядных схем и таблиц, которые проясняют видение автора и дают понимание механизма обработки коллективной памяти.

Работа опирается на труды известных российских и зарубежных специалистов и, в целом, соответствует требованиям, выдвигаемым научным статьям.